

УДК 323.113.01(=161.1)

JEL M38, H83

DOI 10.26425/1816-4277-2021-9-21-27

**Омельченко Николай
Алексеевич**д-р ист. наук, ФГБОУ ВО
«Государственный универси-
тет управления», г. Москва,
Российская Федерация**ORCID:** 0000-0002-5872-1567**e-mail:** nik_omelchenko@mail.ru**«КАМЕРАЛИЗМ» ИЛИ «ПАТРИМОНИАЛИЗМ»: У ИСТОКОВ
ПЕТРОВСКОЙ РЕФОРМАЦИИ ВЫСШЕГО УПРАВЛЕНИЯ
В РОССИИ**

Аннотация. В статье дана авторская трактовка петровских преобразований высшего управления в России. Автор статьи задается вопросом, насколько успешной оказалась предпринятая Петром I попытка создания в условиях России рациональной системы государственного управления по западным образцам. В числе основных особенностей Петровской реформации автор выделяет отсутствие четкого и продуманного плана проводимых Петром I реформ, большинство из которых носили по преимуществу «экспериментальный» характер, проводились поспешно и были подчинены задачам продолжавшейся войны со Швецией. На основе анализа проведенных в начале XVIII в. преобразований в системе высшей администрации автор статьи делает вывод об усилении личного начала в государственном управлении в правление Петра I, что заставляет поставить под сомнение распространенное мнение о формировании в ходе проведения Петром I реформ рациональной системы государственного управления. По мнению автора статьи, более правильным в этой связи может стать при описании петровской административной системы использование веберовского понятия «патримониализм» («патримониальная бюрократия»), как особого типа господства, основанного на принципе личной преданности патримониальному правителю (монарху).

Ключевые слова: высшее управление, административные реформы, сословная реформа, Боярская Дума, Ближняя канцелярия, Консилия министров, областная реформа, Сенат, камерализм, патримониализм

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42064.

Для цитирования: Омельченко Н.А. «Камерализм» или «патримониализм»: у истоков Петровской реформации высшего управления в России//Вестник университета. 2021. № 9. С. 21–27.

Nikolai A. Omelchenko
Dr. Sci. (Hist.), State University
of Management, Moscow,
Russia**ORCID:** 0000-0002-5872-1567**e-mail:** nik_omelchenko@mail.ru**“CAMERALISM” OR “PATRIMONIALISM”: AT THE ORIGINS
OF PETER THE GREAT’S REFORMATION OF HIGHER
MANAGEMENT IN RUSSIA**

Abstract. The article presents the author’s interpretation of Petrine reforms of higher management in Russia. The author of the article asks the question, how successful was the attempt made by Peter I to create a rational system of public administration in Russia according to Western models? Among the main features of Peter’s reformation, the author highlights the lack of a clear and well-thought-out plan for the reforms carried out by Peter I, most of which were mainly “experimental” in nature, were carried out hastily and were subordinated to the tasks of the ongoing war with Sweden. Based on the analysis of the transformations carried out at the beginning of the XVIII century in the system of higher administration, the author of the article concludes about the strengthening of the personal principle in public administration during the reign of Peter I, which casts doubt on the widespread opinion about the formation of a rational system of public administration during the reforms carried out by Peter I. According to the author of the article, the use of Weber’s concept of “patrimonialism” (“patrimonial bureaucracy”) as a special type of domination based on the principle of personal loyalty to the patrimonial ruler (monarch) may become more correct in this regard when describing the Peter’s administrative system.

Keywords: top government, administrative reforms, estate reform, Boyar Duma, Near Chancellery, Council of Ministers, regional reform, Senate, cameralism, patrimonialism

Acknowledgement. The reported study was funded by RFBR under research project No. 20-09-42064.

For citation: Omelchenko N.A. (2021) “Cameralism” or “patrimonialism”: at the origins of Peter the Great’s reformation of higher management in Russia. *Vestnik universiteta*, no. 9, pp. 21–27. DOI 10.26425/1816-4277-2021-9-21-27

© Омельченко Н.А., 2021.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Omelchenko N.A., 2021.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Введение

«Петр – сила наша, которую и по смерти его мужествуем! Петр – слава наша, которую и по смерти российский род хвалится не перестанет!.. Не скоро такого обрящем, который бы и к воинским и гражданским делам угодный и охотный был», – такими словами характеризовал государственную деятельность Петра Великого Феофан Прокопович в своем «Слове на похвалу блаженных и вечнодостоинных памяти Петра Великого», «императора и самодержца Всероссийского», которое было произнесено полгода спустя после смерти Петра I, в Троицком соборе, в день именин Петра – 29 июня 1725 г. Автор «Слова», известный в российской исторической традиции как главный идеолог петровских государственных преобразований с чувством великой гордости перечислял содеянное Петром в его многотрудной деятельности, чего, по его словам, не было до Петра и «прежде сего нам и неведомо». Перечень преобразований царя-реформатора, приведенный автором «Слова», был внушительным, начиная с внедрения в русское образование математики и геометрии, «которых ныне дети российской с охотою учатся», и заканчивая регулярной армией и флотом, коллегиями и «мануфактурами», «врачевскими аптеками» и «правительством юстиции», что «страхом меча праведного от внутренних обид, напастей и прочих злодейств защищает нас» и многое другое [11].

Комментируя это описание деяний Петра Великого его знаменитым сподвижником, сошлемся на авторитетное мнение академика А. М. Панченко, справедливо считавшего, что «большинство петровских акций» может поддаваться только «двойному описанию и истолкованию» и лишь «двойная интерпретация в состоянии вскрыть сложность культурного процесса эпохи». По мнению ученого, никогда не следует забывать, что Петр «был «вечным работником», что каждый его шаг преследовал и позитивную, культуртрегерскую, созидательную цель». На эту черту характера Петра Великого указывает и другой известный исследователь петровской эпохи Е. В. Анисимов [1, с. 21]. В то же время именно эпоху Петра, по замечанию А. М. Панченко, можно охарактеризовать как эпоху «глубокого культурного расслоения и соответственно культурного «двуязычия», касалось ли это непривычного для массового русского сознания новой титулатуры русского царя, или связано было с реформой летоисчисления [8, с. 27]. По словам А. Б. Каменского, одним из воплощений симбиоза часто несовместимых идей стало «принятие Петром в 1721 г. титула «Отец отечества» одновременно с провозглашением Российского государства империей, а царя императором» [3, с. 146]. Как считает ученый, этот титул «полностью соответствовал тому образу харизматического лидера, который создавался на протяжении всего царствования Петра», однако титул «носил персональный, а не наследственный характер и не вошел составной частью в официальный титул российских императоров» [3, с. 146–147].

Обсуждение

Исследователей петровской эпохи всегда занимал вопрос о том, насколько продуманной была грандиозная реформация жизни русского общества и национальной системы управления, которую затеял в начале XVIII в. молодой русский царь Петр Алексеевич, привычно именуемый в русской традиции Петром Великим. Таким же непростым и неоднозначным представляется вопрос о том, насколько успешной оказалась принятая Петром I попытка создания в условиях России рациональной системы государственного управления по западным лекалам и образцам. В какой степени, наконец, были «новыми» вводимые в систему управления вновь создаваемые институты и учреждения.

Представляется вполне обоснованным мнение ряда ученых, доказывающих, что свои преобразования Петр I проводил, особенно на первых порах, без какого-либо плана, подчиняя их по большей части фискальным задачам государства, вынужденного вести в тот период продолжительную и разорительную для страны войну со Швецией и другими европейскими государствами за выход России к Балтийскому морю. По словам известного русского общественного деятеля и историка В. А. Мякотина, в начале своего правления Петр I, «будучи всецело поглощен заботами войны», не уделял большого внимания вопросам внутреннего управления и лишь под давлением обстоятельств, по большей части без заранее составленного плана, производил те или иные перестройки в доставшемся от предшественников административном аппарате. По мнению автора, многие из этих перестроек были «недостаточно обдуманными» и «мало согласованными одна с другой» [4, с. 63].

Об отсутствии строгой системы проводимых Петром I реформ может свидетельствовать и тот факт, что начав свои преобразования с переустройства местного управления и даже замышляя первоначально, как считают

некоторые исследователи, сосредоточить все усилия по мобилизации необходимых для ведения войны ресурсов в созданных им губерниях, Петр I вскоре вынужден был отказаться от этого плана, поняв его неосуществимость, и занялся реформой центрального управления.

На хаотический и поспешный характер первых петровских преобразований указывает и известный исследователь петровской эпохи Н. И. Павленко. По словам ученого, ставя главной целью удовлетворение сиюминутной потребности в деньгах в условиях продолжавшейся войны, Петр I мало заботился об определении «места вновь организованных учреждений в структуре уже существовавшего правительственного механизма», что неизбежно вносило «сумятицу и разлад в существовавшую систему управления и даже вызвали ее ломку» [6, с. 442]. В качестве примера автор приводит первую областную реформу Петра I, сопровождавшуюся созданием новой областной администрации, что привело к фактической ликвидации органов городского самоуправления, названное много лет спустя самим Петром I «рассыпанием хранины» [6, с. 442].

В пользу «экспериментального» характера многих петровских нововведений свидетельствует известное многим исследователям петровской реформации обоснование царем-реформатором причин проведенной им 22 января 1722 г. реформы учрежденного им в 1711 г. Правительствующего Сената. Эта реформа высшего органа власти и управления, по мнению Петра I, стала необходимой, поскольку в его состав ошибочно были включены президенты созданных в 1717–1719 гг. коллегий, деятельность которых, собственно, и призван был контролировать Сенат. «Сие сначала не осмотря учинено, что ныне исправить надлежит,» – таким был вывод царя-реформатора, разъясняющий необходимость внесения кадровых изменений в составе Сената [10].

К. Валишевский в своем известном исследовании о Петре Великом, склонен был объяснять непоследовательность в ряде начатых Петром I преобразований особенностями характера царя-реформатора, постоянную перемену планов которого никто не мог заранее угадать. По мнению автора исследования, легкость, с которой царь «менял фронт, отворачиваясь от Турции, чтобы повернуться лицом к Швеции, бросая свои проекты на Азовском море, чтобы перебраться на Балтику», в полной мере компенсировалась тем, что Петр I «всюду и всегда» принимался «за дело основательно, никогда не соря свои силы» [2, с. 69].

Проводя государственные преобразования посредством отдельных нововведений в центральных и местных учреждениях, часто под давлением внешних обстоятельств, Петр I вынужден был постоянно возвращаться к ранее уже проведенным реформам и проводить их повторно. За время своего правления он провел две городские реформы (1699 г. и 1722 г.), две областные реформы (1708 г. и 1721 г.), учрежденный в 1711 г. Сенат также неоднократно подвергался глубокой реструктуризации.

Окончание войны со Швецией позволило Петру I более последовательно заняться реформированием внутреннего устройства государства, одновременно наводя порядок в ряде прежних своих отдельных преобразований. Затянувшаяся война со Швецией убедила Петра I, что Россия проигрывает в этой войне не Карлу XII, а более совершенной государственной организации и что для укрепления безопасности страны и ее международного престижа необходима серьезная государственная реформа.

Отчасти эти выводы послужили поводом к замене прежней приказной системы центрального управления коллегиальной системой, обладавшей большими возможностями для мобилизации ресурсов в контексте задуманной крупномасштабной модернизации страны в сравнении с малоподвижными московскими приказами.

До сих пор мы говорили о степени продуманности и последовательности петровских государственных преобразований, которые по большей части проводились, как свидетельствуют источники, спонтанно, без какого-то определенного плана. Не менее сложным представляется вопрос о характере и результатах петровских реформ.

Можно согласиться с теми исследователями, кто считает явным преувеличением распространенное мнение, будто основной смысл большинства преобразований Петра I заключался в принципиальном разрыве со всем прежним общественным устройством России и всей прежней системы ценностей. С нашей точки зрения, вопрос о том, что было разрушено в ходе петровских реформ и что нового было внесено в русскую общественно-политическую и культурную жизнь, не может быть отнесен к числу простых вопросов русского исторического процесса. Как справедливо заметил академик А. М. Панченко, «коллизия Петра-реформатора и Петра-революционера» остается донине неразрешенной» [7, с. 504]. Ученый обратил внимание, что многое из того, что приписывают Петру I, было сделано до Петра и поэтому не может быть поставлено ему либо в заслуги, либо в вину: оно получено было им в наследство от своих предшественников. По мнению А. М. Панченко, сказанное можно отнести и к самой «европеизации», по большому счету также являвшейся

наследством Петра, которое «создавалось усилиями двух поколений и «грекофилов» (Епифаний Славинецкий, Евфимий Чудовский), и «латинствующих» (Симеон Полоцкий, Сильвестр Медведев), и людей, которых трудно причислить к той или иной группировке». Кое-что в этом наследстве «Петр сохранил и умножил» [7, с. 505].

Исторически бесспорен факт глубоких изменений, которые произвел Петр I, как в структуре государственных учреждений, так и в системе общественных отношений, культуре, самом быте русских людей. По словам Н. И. Павленко, Петр «властно вторгнулся во все сферы жизни страны и намного ускорил развитие начал, полученных в наследство». Если бы он только пассивно наблюдал за развитием зародившихся задолго до него процессов, то «вряд ли его жизнью и деятельностью интересовались художники и поэты, прозаики и композиторы, скульпторы и сценаристы, публицисты и историки» [6, с. 46]. В части реформ государственного управления это нашло свое выражение в попытке Петра I определить границы государственным ведомствам, ввести в деятельность государственного аппарата принципы западноевропейского камерализма, равно как и его стремлении создать систему действенного контроля за государственной бюрократией. Принципиально новой считал Петр I и коллегиальную систему центрального управления, учрежденную им вместо московских приказов. В то же время по наблюдению современников и исследователей, во многих случаях новыми многие из этих институтов и учреждений являлись часто только по форме, а не внутренней их структуре и содержанию.

Подтверждением сказанному могут служить характер тех изменений, которые произошли в ходе Петровских реформ в господствовавшем в допетровский период сословном строе и сословных отношениях. Принципиальным, на наш взгляд, является здесь то, что при всех происшедших изменениях петровское государство не утратило прежнего земледельческого и военного характера. По наблюдению специалистов, хотя петровская сословная реформа, несомненно, имела определенное значение, она затронула в основном внешнюю организацию старомосковских сословий, отличавшейся теперь большей определенностью. Что касается положения каждого из этих сословий, исключая русское боярство, ушедшее в ходе петровских преобразований с исторической арены, то они, как и раньше, сохранили, теперь уже в рамках новой своей организации, служилый характер, выполняли государственные повинности. С одной стороны, в руках набравшего экономического могущества дворянского сословия оставались все нити государственного управления, что делало его господствующим сословием русского общества. С другой стороны, так же и раньше многочисленный класс русского крестьянства находился под полной властью помещиков, практически ничем не отличаясь от холопского сословия, становясь одной с ним податной категорией. Что касается малочисленного городского сословия, то оно, напротив, получило при Петре I, придававшем особое значение развитию отечественной промышленности и торговли, большие привилегии и новое устройство. В то же время мы не должны забывать, что забота о развитии городского сословия была одной из основных и у предшественников Петра I, о чем, в частности, свидетельствуют многие положения известного свода русских законов – Соборного уложения 1649 г.

Свой отпечаток отмеченные особенности петровского реформаторства наложили и на формируемую Петром I новую административную систему, так же, как и раньше сочетавшей в себе наряду с коллегиальным началом принцип единоначалия. Кроме того, как известно, личный характер управления еще больше усилился при Петре I, придававшем большое значение всем мелочам административного управления и руководившем страной с помощью системы личных поручений. Как пример можно привести практику управления Петром I лично подчиненным ему Сенатом через поставленного во главе этого высшего государственного органа генерал-прокурора.

Спорной в этом смысле представляется широко распространенная точка зрения о формировании в ходе проведения Петром I административных реформ рациональной системы государственного управления в России. Более объективным, на наш взгляд, представляется, мнение ряда авторов новейших исследований, которые предлагают при описании петровской административной системы использовать понятия «патримониализм» и «патримониальная бюрократия», введенных в научный оборот немецким социологом Максом Вебером. Следует отметить, что М. Вебер, обосновывая теорию «патримониализма» как особого типа господства, основанного на принципе личной преданности патримониальному правителю (монарху), уделил пристальное внимание особенностям русского исторического процесса, применяя к сложившемуся в России политическому строю понятие «царский патримониализм». По мнению ученого, существовавшая накануне и период петровских реформ система государственной бюрократии представляла собой один из характерных случаев патримониальной бюрократии.

В контексте проведенных Петром I административных реформ власть монарха должна была еще больше усилиться в силу того, что реформы не только принципиально меняли роль царя в части перемещения и передвижения должностных лиц в рамках политической элиты, но и обеспечивали усиление контроля за их имущественным, социальным и правовым положением. Исследователи указывают на одну из характерных черт процесса формирования единого централизованного государства в России в XVII – начале XVIII вв., которая заключалась в изменении социальной опоры центральной власти: на место боярской аристократии, позиции которой были значительно ослаблены, выдвигался новый социальный слой служилого дворянства, служилой бюрократии, непосредственно зависевших от воли монарха. Основным итогом этих изменений стало формирование особой национальной формы «служилого государства» с уникальной социальной структурой, обеспечивавшей контроль и мобилизацию всех ресурсов страны и создававшей условия для формирования в России мощной абсолютной монархии.

В части высшего управления изменения касались, прежде всего, положения и роли в системе государственной власти Боярской думы, которая уже в правление сестры и матери молодого царя утратила значительную часть своего прежнего значения и превращалась в «безгласный совет при отдельных лицах, пользовавшихся полным доверием правительниц» [4, с. 63]. Как остроумно заметил В. О. Ключевский, прежняя законодательная формула «государь указал и бояре приговорили» могла бы теперь замениться другой: «Т. Стрешнев или князь Ф. Ромодановский указал, и бояре смолчали» [10]. Частые отлучки Петра I, сосредоточившего свое основное внимание на внешнеполитических вопросах, также серьезно отражались на характере деятельности Боярской думы. Привыкшие работать вместе с государем и под его председательством, бояре теперь вынуждены были действовать самостоятельно, а, по сути, становились простыми исполнителями его воли, что в свою очередь требовало усиления контроля за их деятельностью со стороны доверенных государю лиц. Серьезные изменения наблюдались и в самом составе Боярской думы: прежде состоявшая из родовитых фамилий, Дума теряла привычный для этого высшего законодательного органа Московского царства аристократический характер, равно как официальный статус высшего органа власти в государстве. В скором времени Боярская дума была окончательно вытеснена создаваемыми неофициальными учреждениями, призванными заменить малоэффективную, по мнению новой правящей элиты, в новых условиях развития страны Боярскую думу и работавшими под строгим контролем доверенных царю лиц.

Уже в 1699 г. (по другим источникам, в 1697 г.) было образовано особое государственное учреждение – Ближняя канцелярия, подчинявшаяся непосредственно царю и занимавшаяся, по мнению большинства исследователей, организацией государственного контроля, что ставило ее в особое положение среди других государственных ведомств. Первоначально в ее помещении собирались думские заседания, а с 1708 г. собрания Консилиеи министров – неофициальным советом высших сановников, заменившим Боярскую думу и исполнявшим роль отвечавшего лично перед царем правительства. Как отмечает В. О. Ключевский, сталкиваясь с постоянными расходами, Петр I нуждался в оперативной информации о наличных средствах, рассеянных по многим приказам. Именно эта задача была поставлена перед Ближней канцелярией, в которую «все приказы обязаны были доставлять еженедельные и ежегодные ведомости о своих доходах и расходах, об управляемых ими людях и зданиях и т. п.», на основе которых составлялась сводная роспись государственных доходов и расходов [10]. В ведении Ближней канцелярии кроме контроля ежемесячных отчетов всех центральных учреждений и составления сводной росписи государственных доходов и расходов находилась регистрация всех именных указов царя (позже эта функция было передана Сенату), что изначально возвышало Ближнюю канцелярию над другими государственными органами, обязанными сообщать ей сведения о подобных актах.

Наделение Ближней канцелярии столь широкими полномочиями, равно как и известная фрагментарность дошедших до нас документов о ее деятельности стали одной из причин серьезных расхождений в оценках учеными роли и значения этого учреждения в системе властных институтов начала правления Петра I. Так, по мнению некоторых исследователей, Ближняя канцелярия, которую часто отождествляют с Консилией министров и иногда с Боярской думой, представляла собой высший институт власти и в этом своем значении может рассматриваться как прямая предшественница Правительствующего Сената. Противоположной точки зрения придерживается известный исследователь петровской эпохи Е. В. Анисимов, усматривающий в Ближней канцелярии типичный для Московского государства приказ, находившийся в распоряжении Консилиеи министров. Ряд исследователей сводят роль Ближней канцелярии к канцелярии Боярской думы (позже Консилиеи

министров), хотя и наделенной самостоятельными функциями государственного учреждения (П. Н. Миллюков, В. О. Ключевский). Считается также, что новое учреждение, возглавляемое воспитателем Петра I «генерал-президентом» Н. М. Зотовым, представляло собой личную канцелярию царя.

В любом случае, совершенно очевидно, что эти и другие производимые Петром I изменения обозначили тенденцию к дальнейшему усилению личного начала в государственном управлении. Эта тенденция нашла свое выражение в том числе в создании на базе Ближней канцелярии Консилиии министров, которую ряд исследователей считает прообразом будущего Сената. Формально возглавляемая боярином кн. М. А. Черкасским и царевичем Алексеем, Консилиия министров действовала в Москве первоначально в привычном для думской практики формате, однако в отличие от Боярской Думы ее заседания происходили без участия царя, что превращало ее в распорядительный орган, подведомственный главе государства и выполнявший его предписания. Петр I, не грешивший, по словам В. О. Ключевского, «избытком уважения» к своим государственным советникам, предписал Консилиии министров в 1707 г. вести протоколы всех заседаний, которые должны были подписаны всеми ее членами, «и без того никакого бы дела не определяли, ибо сим всякого дурость явлена будет» [10]. В 1710 г. этот совет состоял из восьми членов. По имеющимся сведениям, среди лиц, активно участвующих в работе Консилиии, мы встречаем графа Ф. А. Головина, князя Ф. Ю. Ромодановского, князя Г. И. Волконского, Н. М. Зотова, князя И. Б. Троекурова, Т. Н. Стрешнева, И. А. Мусина-Пушкина и др. Со временем Консилиия министров, заседания которой с 1708 г. стали регулярными, приобрела значение высшего совета при особе царя, составленного из руководителей важнейших государственных ведомств и наделенного широким кругом полномочий. К функциям Консилиии министров относилось распределение денежных средств центральных приказов, ведавших обеспечением армии припасами и вооружением, управление приказами и канцеляриями, контроль за строительством оборонительных сооружений, набор рекрутов, координация проведения губернской реформы 1708 г. и др.

В том же контексте дальнейшего усиления власти царя следует рассматривать организацию личного Кабинета Петра I, первое упоминание о котором исследователи относят к осени 1704 г. Представляя собой, по мнению ученых, своего рода военно-походную канцелярию царя, в распоряжение которой должен был поступать весь массив военных и финансовых документов, Кабинет с течением времени превратился в особое учреждение, ведавшее многими вопросами законодательства и управления и через посредство которого Петр I осуществлял переписку и непосредственное руководство Сенатом, губернаторами и впоследствии аппаратом коллегий [9].

Отмеченную специфику петровской административной системы можно продемонстрировать на примере особенностей функционирования созданного Петром I в 1711 г. Сената. По справедливому замечанию Н. И. Павленко, должность сенатора, в отличие от наследственного в своей основе боярского чина, предоставлялась при Петре в основном лицам, «обладавшим собственными достоинствами, – заслуги предков во внимание не принимались... У этих людей ценились ум, служебное рвение, образование и т. д.... Это была новая знать. Она начинала свою родословную вельмож со времени Петра и целиком была обязана своей карьерой царю». В сравнении с прежним боярством члены Сената находились в значительно большей зависимости от верховной власти: сенатор мог в любое время утратить сенаторское звание, что заставляло его изначально «проявлять служебное рвение». Отмеченная зависимость высшего правящего слоя от царской власти усиливалась экономической несамостоятельностью новой правящей бюрократии, благосостояние которой обеспечивалось не трудом крепостных крестьян в отличие от прежних вельмож, а денежным жалованием: уход со службы сопровождался потерей жалованья, точно так же как повышение или понижение в должности прямо влияло на размер жалованья [6, с. 436].

Заключение

Приведенные, что называется, наудачу примеры наглядно показывают, что при всех попытках внедрить в отечественную государственную практику принципы рациональной модели государственного управления, предпринимавшихся петровской администрацией, сложившаяся система управления в России отличалась устойчивой тенденцией развития в сторону традиционного патримониализма. Ее характерной чертой стала полная независимость чиновной бюрократии от общества. С точки зрения основных функциональных особенностей, эта система управления «сближалась с той моделью власти и управления, которая сформировалась в древнейших азиатских империях (Китай) и отличалась значительной

независимостью бюрократии от общества, с одной стороны, и высокой степенью ее зависимости от политической власти, с другой». Этот тип бюрократии был основан на четкой градации внутри правящей элиты, строгой личной ответственности представителей государственной администрации чиновников, цензорском надзоре за чиновниками, систематическом обновлении государственного аппарата [5, с. 64].

Библиографический список

1. Анисимов, Е. В. Петр Великий: личность и реформы. – СПб.: Питер, 2009. – 448 с.
2. Валишевский, К. Петр Великий. – Москва: Московское Книгоиздательское Товарищество «Образование», 1909. – 163 с.
3. Каменский, А.Б. От Петра I до Павла I: Реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). – М.: РГГУ, 2001. – 575 с.
4. Мякотин, В.А. История России в конце XVII и в первую половину XVIII столетия. – София: Придворна печатница – Hofbuchdruckerei, 1938. – 146 с.
5. Омельченко, Н.А. История государственного управления: учебник для бакалавриата. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2014. – 575 с.
6. Павленко, Н.И. Петр Великий. – М.: Мысль, 1994. – 591 с.
7. Панченко, А.М. Из истории русской культуры. Том III (XVII – начало XVIII века). – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 624 с.
8. Панченко, А.М. О русской истории и культуре. – М.: Издательство «Азбука», 2000. – 464 с.
9. История государственного управления в России / Н.Ю. Болотина и др [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://robotlibrary.com/book/437-istoriya-gosudarstvennogo-upravleniya-v-rossii-bolotina-nyu/28-Page28.html>. (дата обращения: 21.07.2021).
10. Ключевский, В.О. О русской истории [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.spsl.nsc.ru/history/kluch/kluch67.htm> (дата обращения: 21.07.2021).
11. Феофан Прокопович. Сочинения / Под ред. И.П. Еремина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: feofan_prokopovich_sochineniya_1961.pdf (дата обращения: 21.07.2021).

References:

1. Anisimov E.V. *Peter the Great: person and reforms*, St.Petersburg, Piter, 2009, 448 p. (In Russian).
2. Valishevskiy K. *Peter the Great*, Moscow, Moskovskoe Knigoizdatel'skoe Tovarishchestvo "Obrazovanie", 1909, 163 p. (In Russian).
3. Kamenskiy A.B. *From Peter I to Paul I: Russian reforms of XVIII century (experience of complex analysis)*, Moscow, Russian State University for the Humanities, 2001, 575 p. (In Russian).
4. Myakotin V.A. *History of Russia at the end of XVII and at the first half of XVIII century*, Sofia, Pridvorna Pечатnitsa Hofbuchdruckerei, 1938, 146 p. (In Russian).
5. Omelchenko N.A. *History of public administration: manual for bachelors*, 2nd edition revised and supplemented, Moscow, Yurait, 2014, 575 p. (In Russian).
6. Pavlenko N.I. *Peter the Great*, Moscow, Mysl', 1994, 591 p. (In Russian).
7. Panchenko A.M. *From the history of Russian culture. Vol. III (XVII – beginning of XVIII century)*, Moscow, School "Languages of Russian culture", 1996, 624 p. (In Russian).
8. Panchenko A.M. *About Russian history and culture*, Moscow, Azbuka Publishing House, 2000, 464 p. (In Russian).
9. *History of public administration in Russia*, Ed. by N.Yu. Bolotina, et al. Available at: <http://robotlibrary.com/book/437-istoriya-gosudarstvennogo-upravleniya-v-rossii-bolotina-nyu/28-Page28.html>. (accessed 21.07.2021). (In Russian).
10. Kluchevskiy V.O. *About Russian history*. Available at: <http://www.spsl.nsc.ru/history/kluch/kluch67.htm> (accessed 21.07.2021). (In Russian).
11. Feofan Prokopovich *Essays*. Ed. by I.P. Eremin. Available at: feofan_prokopovich_sochineniya_1961.pdf (accessed 21.07.2021). (In Russian).